

УДК 340.132.6

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ПРАВА

О.М. Беляева

Аннотация

В статье анализируются современные подходы к проблеме толкования норм права, сделана попытка дать уточненное определение толкования, раскрыты объективные и субъективные причины необходимости толкования норм права.

Вопрос о толковании норм права является одним из важнейших и остродискуссионных как в отечественной, так и зарубежной юридической науке.

Толкование права – это необходимый и важный элемент правореализационного процесса, поскольку невозможно применить норму права, не уяснив ее точный смысл, а в некоторых случаях и разъяснить; толкование необходимо также при правовой квалификации и при вынесении решения по делу. Необходимость в толковании норм права появляется и в процессе правотворчества. Как известно, разработка новых нормативных правовых актов предполагает толкование действующих нормативных предписаний с целью уяснения их точного смысла. Иными словами, толкование имеет место на всех стадиях правового регулирования и имеет значение для всех сторон правовой деятельности.

Не менее важно и другое. В толковании соединяются вместе, сходятся в едином фокусе и утонченные юридические знания, и правовая культура, и юридическое искусство. С этой точки зрения юридическая герменевтика, т. е. наука и искусство толкования юридических терминов и понятий, есть своего рода вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности [1, с. 134].

Именно поэтому одним из самых надежных показателей высококачественной работы юриста-профессионала является такой уровень его профессиональной подготовки, который позволяет ему «с ходу», полно и точно толковать правовые акты.

Анализ специальных исследований дает представление о толковании как сложном, неоднозначном явлении. Толкование (*Auslegung, Deutung*), или интерпретация (*interpretation*), – это интеллектуально-волевая деятельность, направленная на установление точного смысла правовой нормы, раскрытие выраженной в ней воли законодателя. Толкование – это и «совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их» [2, с. 80]. В процессе толкования устанавливается смысл нормы права, ее основная цель и социальная направленность, возможные последствия действия толкуемого

акта, выясняется общественно-историческая обстановка его принятия, условия, в которых происходит толкование, познаются глубинные свойства права.

По поводу определения и содержания толкования права в литературе существуют различные мнения: одни ученые определяют толкование как уяснение смысла правовой нормы (А.П. Денисов, С.И. Вильнянский, Б.В. Щетинин), другие считают, что толкование норм права – это разъяснение их содержания (С.А. Голунский, М.С. Строгович, Ю.Г. Ткаченко), третьи – полагают, что толкование есть не что иное, как единство того и другого, т. е. это процесс уяснения и разъяснения смысла правовых норм (Н.Г. Александров, П.Е. Недбайло, А.С. Пиголкин и др.) [3, с. 396].

Предпочтительней, на наш взгляд, выглядит третья точка зрения, поскольку в первом и втором случаях очевиден односторонний подход к пониманию толкования как сложного процесса, не исчерпывающего себя только уяснением или только разъяснением правовых норм, ибо в процессе реализации права нередко требуется не только уяснить смысл нормы права или правового акта, но и разъяснить этот смысл другим лицам. Вполне логично, что для разъяснения смысла и содержания нормы права требуется прежде всего его уяснение. Таким образом, толкование включает в себя две части: уяснение смысла нормы права и разъяснение ее содержания.

Толкование в форме уяснения представляет собой внутренний мыслительный процесс, проходящий в сознании субъекта толкования (интерпретатора), т. е. толкующий субъект вначале уясняет содержание правовой нормы лично для себя. Толкование же в форме разъяснения является продолжением мыслительной деятельности на предыдущей стадии, но эта сторона деятельности адресована другим субъектам, когда толкующий субъект объясняет смысл и содержание правового предписания всем заинтересованным лицам.

Мы видим, что уяснение и разъяснение представляют собой две диалектически взаимосвязанные стороны одного процесса толкования. Однако следует заметить, что разъяснение не всегда следует за уяснением. При разъяснении объективируются результаты уяснения. Такая объективизация находит свое выражение в письменной форме в акте толкования права (например, в решении суда по конкретному делу) либо в устной (рекомендация, консультация, совет).

Итак, толкование права можно рассматривать как процесс, который протекает в сознании человека в виде различных внутренних интеллектуально-волевых операций (уяснение требований норм), которые находят выражение вовне (разъяснение) в виде интерпретационного акта, юридического совета. Вместе с тем в литературе встречается еще одна точка зрения, высказанная А.Ф. Черданцевым, согласно которой толкование права – это результат мыслительного процесса, выраженный в совокупности суждений (грамматических предложений), в которых раскрывается содержание толкуемых норм. Примером может служить толкование, содержащееся в комментированном кодексе, где после каждой статьи приводится ее разъяснение, или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ по определенной категории дел [4, с. 473].

Цель толкования – правильное, точное и единообразное понимание и применение закона, установление его подлинной сути, которую законодатель вложил в словесную формулировку. Толкование не вносит и не может вносить по-

правок и дополнений в действующие нормы. Оно призвано лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в законе.

Возникает вопрос: что же является основным объектом толкования? Среди ученых-юристов не прекращается спор по поводу того, является ли объектом толкования воля законодателя («дух» закона) или воля закона («буква» закона). Иными словами, вопрос заключается в том, чем должно ограничиваться толкование – уяснением действительной воли законодателя, которую он хотел выразить, но по тем или иным причинам не сумел выразить достаточно четко, либо той воли, что получила непосредственное закрепление в тексте закона. Разрешение этого вопроса напрямую зависит от выбора того или иного варианта правопонимания интерпретатора.

К сожалению, толкование закона по цели стало противопоставляться толкованию закона по букве. Так, авторитетный русский цивилист, специалист в области толкования Е.В. Васьковский полагал, что «толкование должно воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой ее создатель», оно должно способствовать «раскрытию содержания нормы», или «развитию ее смысла», или «выяснению мысли и воли законодателя». При этом Е.В. Васьковский апеллировал к мнению Д.И. Мейера и Г.Ф. Шершеневича, которые соответственно писали, что «толковать закон – значит раскрывать истинный смысл его, изъяснять волю законодателя, облеченную в форму слова»; «толкование... имеет своею целью раскрыть истинную волю законодателя» [2, с. 83]. Известный юрист Блэкстон рекомендовал толковать законы по духу их, отождествляя дух с причиной, побудившей законодателя издать закон. Сторонником толкования в соответствии с подлинной волей законодателя являлся и Бирлинг [5, с. 108].

Современные исследователи также все чаще склоняются к мысли, что результаты толкования должны сводиться к выявлению воли законодателя, выраженной в словесных формулировках закона или иного нормативного правового акта. В противном случае, создается возможность отхода от действительного содержания нормы права под тем предлогом, что действительные намерения ее творца были иными. Следует также иметь в виду, что попытки найти «истинный» смысл, заключенный законодателем в правовой норме, могут привести к совершенно обратному результату.

Между тем, как справедливо отмечает Е.В. Васьковский, противопоставляя мысль и волю закона мысли и воли законодателя, упускается из виду следующее обстоятельство: «норма сама по себе не имеет ни воли, ни мысли; она представляет собою совокупность слов, т. е. известных условных знаков, посредством которых ее создатель сообщает гражданам то, что он думает и желает» [2, с. 83–84]. Еще Тёль в свое время подметил, что «закон путем обнародования отрывается от законодателя и, благодаря систематической связи, в которой его отдельные нормы находятся друг с другом и с действующим уже правом, приобретает такую самостоятельность, в качестве обнародованной воли законодательной власти, что воля и мнение настоящих авторов закона становятся безразличными» [2, с. 84–85; 5, с. 110–119]. Аналогичные точки зрения высказывали Виндинг, Вах, Штоббе, Колер, Данц, Шлоссман, Липпман и др.

Действительно, воля и мысль законодателя не всегда находят полное и точное выражение в нормах права. То, что думал законодатель и хотел выразить в правовой норме, может не совпадать с тем, что в действительности выражено в тексте нормы. А так как граждане обязаны соблюдать волю законодателя лишь постольку, поскольку она воплощена в законе и обнародована, значит, задача толкования состоит в раскрытии того, что в норме выражено, а не того, что законодатель хотел в ней выразить, но не выразил. В этой связи вполне закономерно возникает вопрос: в случае противоречия между мыслью и словами законодателя всегда ли предпочтение должно отдаваться словам законодателя? И нужно ли тогда стремиться к раскрытию того, что действительно вкладывал в текст закона (нормы) законодатель? Е.В. Васьковский решил этот вопрос следующим образом: «законодатель прибегает к помощи слов потому, что не имеет другого способа объявлять гражданам свои веления. Поэтому совершенно неправильно придавать им самостоятельное значение и ставить выше воли и мысли, знаками и показателями которых они служат. Напротив, если в каком-либо случае будет доказано, что законодатель выразил неправильно или неточно, то действительная его мысль должна иметь преимущество пред словами, которые ее передают неверно. Вопрос заключается только в том, из каких источников, кроме самого текста нормы, могут быть почерпаемы сведения относительно истинной мысли и воли законодателя. Но это – уже другой вопрос, не относящийся к существу дела...». Итак, задача толкования состоит в раскрытии действительной мысли их автора. Но это – только непосредственная и ближайшая задача. Кроме того, толкование преследует еще одну цель: оно должно обнаруживать еще и скрытое их содержание [2, с. 86–87].

Следует помнить, что выяснение «воли законодателя» возможно лишь посредством исторического толкования, но «этот путь во многих случаях не приводит к нахождению надлежащего решения, он противоречит началу эволюции правовых учреждений; наконец, при современном характере законодательства, которое является продуктом коллективной воли, сама воля законодателя становится некоторой фикцией» [5, с. 124]. Такое видение убеждает нас в том, что современники могут вовсе не видеть в законе того подлинного значения, которое приобретет он позднее. Большинство возникающих на почве применения контрверз происходит именно потому, что они совсем не предусматривались законодателем. Но если бы, в конце концов, и удалось установить подлинные намерения законодателя, то они бы часто расходились с требованиями жизни, ибо в общественной жизни часто бывает так, что закон, изданный ради одной цели, под влиянием изменившихся условий начинает служить другим целям и функциям. Иногда бывает и так, что исследование исторических материалов одного закона часто приводит к установлению не одной, а нескольких, зачастую противоречащих друг другу целей, которыми руководствовались отдельные лица/инстанции, участвовавшие в выработке данного закона.

Методом же, наиболее соответствующим истолкованию «воли закона», является систематическое толкование, опирающееся на юридическую конструкцию, принципы и теории права, а также институт аналогии права. Вместе с тем, как замечает П.И. Люблинский, «воля законодателя» есть не что иное, как «решение законодательных органов придать известному правилу значение обя-

зательной нормы поведения. С такой точки зрения не всякое выражение законодательной мысли есть воля закона. В законах могут содержаться изложение теоретических взглядов законодателя, моральные сентенции, указания на мотивы и цели законодателя, советы и пожелания и т. д. – все это не будет «законодательной волей» в техническом смысле, ибо им не сопутствует решение придать этим положениям обязательную силу» [5, с. 151–152].

Однако поднятый вопрос возникает главным образом потому, что не всегда буквальный текст нормативного правового акта отражает действительную волю или, образно говоря, «дух» правотворческого органа. Порой при кажущемся полном согласовании «буквы» и «духа» нормативных правовых актов такого согласования может и не быть по многим причинам, в том числе и из-за плохой редакции текста, неумелого применения правил правотворческой техники и грамматики. Еще со времен Древнего Рима известен принцип: знание законов состоит не в том, чтобы держаться за их букву, а в том, чтобы понимать их смысл и значение.

В юридической науке даже сложилось два подхода к толкованию права – статический и динамический. При статическом подходе в качестве основной ценности правовой действительности рассматривается стабильность и определенность права. Ориентируясь на эти ценности, интерпретатор не должен корректировать, изменять смысл закона под каким-либо предлогом, а должен установить тот смысл закона, который придал ему законодатель. При динамическом подходе интерпретатор стремится в ходе толкования максимально приблизить закон к жизни, приспособившая и корректируя его в необходимых случаях.

Если обратиться к истории взглядов на толкование, то можно констатировать диаметрально противоположные подходы к разрешению дилеммы «духа» и «буквы» закона: от полного запрета толкования до значительной свободы интерпретатора, когда под видом толкования провозглашались новые нормы, а само толкование превращалось, по сути, в квазиправотворчество. Так, император Юстиниан в VI в. н. э. запретил толкование Дигест, а папа Пий IV – постановлений Тридентского Собора [6, с. 419].

Буржуазные идеологи (Ш.-Л. Монтескьё, Ч. Беккариа, Марат) также требовали точного следования букве закона, выступали противниками толкования закона судами. Например, Монтескьё усматривал связь власти толкования законов с деспотизмом. Беккариа также указывал, что «нет ничего более опасного, чем аксиома, что следует консультировать дух закона. Признать эту аксиому – значит прорвать все плотины и подвергнуть закон потоку мнений».

Вольтер в 1778 г. также писал по этому поводу: «Законы свидетельствуют о слабости людей, которые их сочиняли. Они изменчивы, как и эти последние. Некоторые из законов у великих наций продиктованы сильными, чтобы сломить слабых. Они были столь неопределенны, что тысячи истолкователей старались их комментировать; и так как большинство истолкователей сделало глоссирование своим ремеслом, чтобы зарабатывать таким путем деньги, то оно сделало свои комментарии еще более темными, чем текст закона. Закон стал кинжалом с двумя остриями, которые равно поражают и невинного, и виновного. Таким образом, то, что должно было быть гарантией безопасности

народов, часто становилось их бичом, и благодаря этому часто начинали сомневаться, не лучше ли было бы, чтобы законов не существовало вовсе».

Показательна в этом отношении была реакция Наполеона I, который, узнав об издании комментария к Гражданскому кодексу, горестно воскликнул: «Пропал мой кодекс».

В XVIII в. в Пруссии, Австрии и других странах принимались даже специальные акты, воспрещавшие какое бы то ни было толкование законов [7, с. 278]. Так, Иеремия Бентам в проекте учреждения судебных установлений для Франции, созданном в 1790 г., особо указывал: «Если бы был написан какой-либо комментарий к кодексу с целью разъяснения его смысла, то следует потребовать, чтобы на такой комментарий никем бы не обращалось внимания; должно запретить цитировать его на суде в каком бы то ни было виде, ни прямо, ни обходными путями» [5, с. 101]. А изданное в 1813 г. Баварское уложение – продукт работы Фейербаха – прямо воспрещало издание к нему комментариев. По свидетельству Биндинга, за пятьдесят лет его действия не появилось ни одного комментария к этому уложению [5, с. 104–105].

Однако реальность брала свое. Сторонники толкования приводили яркие примеры в пользу его необходимости, а практика доказывала ошибочность запретов на толкование. Еще Самуил Пуфендорф, ратуя за толкование, обратился к описанию одного из примеров. В г. Болонья (Италия) был издан закон, предписывающий «наказывать с величайшей суровостью всякого, кто станет проливать кровь на улицах». Однажды случилось так, что прохожий упал на улице в конвульсиях. Позвали врача. Последний для спасения пациента был вынужден сделать кровопускание. Следование букве закона требовало сурового наказания врача. Однако (на благо последнего) восторжествовало мнение, которое, вопреки буквальному смыслу, не распространило на врача действие закона путем применения ограничительного толкования.

Совершенно иной пример можно привести из истории законодательства США и практики реализации отдельных законов. В начале XX века в одном из штатов США был издан нормативный акт, согласно которому рестораны и иные подобные заведения, торгующие спиртными напитками, не могли находиться на расстоянии ближе одной мили от образовательных учреждений. Законодатель предполагал ограничить принятием данного акта деятельность заведений, торгующих спиртными напитками. На практике же все получилось иначе. Стали закрывать образовательные учреждения, то есть осуществлять действия, противоречащие действительным намерениям законодателя [7, с. 279].

Чем же вызвана необходимость толкования права? Отметим, что на это имеются как объективные, так и субъективные причины. Необходимость толкования права вызвана:

- спецификой юридической техники: в нормативных актах законодателем используется специальная юридическая терминология, юридические конструкции, система отсылок, некоторые термины заимствуются из других отраслей наук, что требует специальных юридических знаний;
- особенностями формулирования правовых норм, которые характеризуются абстрактностью, краткостью изложения, распространяя свое действие на не-

определенный круг субъектов, в силу чего и возникает необходимость «расшифровать» данные формулировки;

- логическими связями норм права друг с другом внутри одного нормативного акта, а также связями, существующими между разными нормативными документами, ибо нормы права способны регулировать общественные отношения лишь во взаимосвязи друг с другом, а в системе действие одной нормы неизбежно вызывает действие другой; поэтому, чтобы понять истинный смысл правовой нормы, необходимо отыскать другие нормы, которые будут применяться вместе с ней;

- трудностями в процессе толкования, возникающими из-за недостатков законодательной техники, пробелов в праве, несовершенства законодательства, неадекватности правового регулирования общественным отношениям, отсутствия точного, понятного языка нормативного правового акта.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. В российской юридической науке сложилась точка зрения, что в толковании нуждается любой закон. Заметим, что такое мнение разделяется далеко не всеми. Ряд зарубежных авторов считает, что толкование имеет место только в определенных случаях, например, в случае неясности, противоречивости законов [4, с. 474]. Действительно, когда при непосредственном восприятии (прочтении) закон не вызывает сомнения, толкования не требуется. Однако при попытке более точного анализа терминов порой «ясное» и «понятное» оказывается самым неясным и непонятым. Здесь налицо явная апелляция к субъективным моментам, ибо ясное для одного является неясным для другого. Более того, чтобы выяснить, ясно ли изложена воля законодателя в правовой норме, необходимо последнюю соответствующим образом интерпретировать. Следует подчеркнуть, что иногда отсутствие толкования может быть кажущимся: опытный юрист довольно часто легко, без особых усилий «схватывает» абстрактный смысл нормы права, применяя ее к конкретным ситуациям. Незаметность процесса толкования находится в прямой зависимости от юридической подготовленности интерпретатора. И все сказанное, однако, не учитывает того, что, помимо всего прочего, «ясные» нормы подлежат логическому способу толкования, ибо само признание нормы «ясной» или «неясной» является результатом предварительного ее толкования.

В толковании не было бы надобности, если бы, по верному замечанию Моля, «все законы явно и несомненно распределялись по какому-либо внешнему надежному признаку на ясные и неясные – подобно тому, как они распадаются на законы и административные распоряжения, на иностранные и туземные и т. д. В таком случае разве могло бы быть выставлено правило, что категория ясных законов должна быть толкуема одним способом, а категория неясных – другим. Но указанное деление, как известно, не существует в таком виде. Законодатель выдает каждый закон за ясный, и суждение, что он неясен, представляет лишь результат субъективного исследования и понимания». Поэтому, как указывают Вах и Моль, положение, что ясные законы не нуждаются в толковании, заключает в себе внутреннее противоречие [2, с. 90–91]. Как мы видим, данная точка зрения не выдерживает критики.

Толкование норм права нередко связывают с их конкретизацией, то есть с уточнением по цели, смыслу, месту и времени применения норм. Эта характеристика толкования вполне оправдана, поскольку в процессе толкования действительно происходит уточнение смысла и назначения правовой нормы, пределов ее правового регулирования. Поэтому конкретизация не может не быть результатом толкования. Так, Конституционный суд Российской Федерации, руководствуясь ч. 5 ст. 125 Конституции РФ, в своих решениях неоднократно уточнял смысл тех или иных правовых норм Конституции и законов, проверял конституционность последних.

Конкретизация, безусловно, вносит нечто новое в содержание правового установления, поэтому конкретизацию норм могут осуществлять только субъекты толкования, обладающие соответствующими полномочиями, в отличие от толкования права, которое может осуществляться всеми субъектами права, но при этом результаты толкования будут иметь различную юридическую силу.

Толкование всегда вторично, а норма – первична. Поэтому в абсолютном большинстве случаев толкователь выступает в роли обслуживающего, а не творящего право, в роли не изобретающего, а исправляющего право субъекта. Исключением являются лишь те немногочисленные случаи, когда разъяснение несовершенной, нечеткой нормы набирает такой юридический потенциал, приобретает настолько сильное юридическое значение, что становится правилом, то есть порождает правовую норму. Т.Н. Радько как раз приводит в качестве примера решения Конституционного суда Российской Федерации по разъяснению отдельных «невнятных» норм Конституции и других законов [3, с. 399].

В свое время Г.Ф. Шершеневичем было высказано мнение, что опыт и приемы толкования «в совокупности дают основание для искусства толкования, но не для науки». Полемизируя с ним, В.В. Лазарев заметил, что в толковании права как определенной интеллектуальной деятельности есть элементы не только искусства, но и науки [8, с. 443].

Думается, что вряд ли следует согласиться с утверждением, что толкование не поддается никаким научным правилам, что оно свободно от творчества. Неудивительно, что юристы, которым приходилось затрачивать много усилий на толкование норм, издавна стремились выработать технику толкования под названием юридической герменевтики. Потеря в XIX в. этим видом искусства своего престижа не свидетельствует против возможности и целесообразности его развития сегодня [9, с. 296–297].

В настоящее время толкование права из сугубо логической деятельности не должно превратиться в творческую деятельность юриста при наличии тех или иных дефектов у закона, в деятельность, которая бы имела целью исправление или восполнение положений нормативного акта.

Summary

O.M. Belyaeva. Interpretation of legal norms.

The article analyzes modern approaches to the problem of interpretation of legal norms. An attempt is made to give a more precise definition of such interpretation. Objective and subjective causes of legal norms interpretation necessity are exposed.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Государство и право. – М.: Проспект, 2006. – 152 с.
2. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЮрИнфоР, 2002. – 507 с.
3. *Радько Т.Н.* Теория государства и права. – М.: Юнити, 2004. – 576 с.
4. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2002. – Т. 2.– 518 с.
5. *Люблинский П.И.* Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. – М.: Зерцало-М, 2004. – 248 с.
6. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права. – СПб.: Изд. дом С.-Петербур. ун-та, 2005. – 472 с.
7. *Сырых В.М.* Теория государства и права. – М.: Юстицинформ, 2005. – 704 с.
8. Проблемы общей теории государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 813 с.
9. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Т. 2. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. – 362 с.

Поступила в редакцию
16.08.07

Беляева Ольга Маратовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель филиала Казанского государственного университета в г. Набережные Челны.
E-mail: urfak@mail.ru